

Куда мы идем

МОЕ НАМЕРЕНИЕ. Я не собираюсь предлагать вниманию читателей свой план обновления (обустройства) нашей страны. Умников, которые знают, как это делать, и без меня более чем достаточно. К тому же у меня такого плана вообще нет. Я его отвергаю в принципе, исходя из соображений, о которых скажу ниже. В этой статье я хочу ограничиться тем, что изложу мои взгляды на самую главную, с моей точки зрения, проблему сегодняшней ситуации в нашей стране. Я знаю заранее, что в теперешней советской смуте мои взгляды не могут рассчитывать на широкое публичное одобрение. Тем не менее я решился их высказать. Я это сделал по долгу русского и советского человека. Над нашей страной нависла смертельная опасность, опасность гораздо более серьезная, чем в 1941 году. И оставаться в положении постороннего наблюдателя было бы недостойно моих моральных принципов. Дефекты советской истории и советского образа жизни мне хорошо известны. Книжки о них я начал печатать задолго до перестройки. И не хочу здесь повторяться. К тому же в сложившихся условиях гораздо важнее и честнее не участие в оргии разоблачительства, а объективный анализ реальности.

ПРОБЛЕМА. Советский Союз и другие коммунистические (социалистические) страны переживают глубокий и всесторонний кризис. На мой взгляд, это первый в истории специфический коммунистический кризис, то есть кризис коммунизма как особого типа общественного устройства. В чем заключается

сущность этого кризиса, каковы его причины и перспективы — вот вопросы, на которые я хочу дать мой ответ в этой статье.

Само слово «коммунизм» приобрело сугубо негативное значение. От него поспешили отказаться многочисленные предатели и дезертиры коммунизма. Я, однако, настаиваю на его употреблении. Оно оправдано исторически и ориентирует внимание именно на тот предмет, судьба которого сейчас занимает умы человечества. Ведь и западные пророки считают эти кризисные годы началом посткоммунистической, а не пост-какой-нибудь другой эпохи. Я словом «коммунизм» называю тот тип общественного устройства, который впервые в истории возник в Советском Союзе в сталинские годы, достиг классической зрелости в брежневские годы и стал заразительным образцом для многих народов мира.

НОРМАЛЬНЫЙ КОММУНИЗМ. Кризисное состояние общества есть отклонение от его нормального (здорового) состояния. Естественно, и наше понимание кризиса коммунизма зависит от того, как мы понимаем его нормальное состояние.

Говоря о нормальном (здоровом) состоянии общественного организма, я не вкладываю в слово «нормальное» («здоровое») никакого оценочного смысла. Это такое состояние, которое обусловлено специфическими закономерностями или нормами данного общества, причем независимо от того, нравятся кому-то эти закономерности (нормы) или нет. Например, наличие безработных и нищих есть нормальное явление здорового капитализма, хотя множество людей негодует по этому поводу. Ниже я приведу в качестве характерных примеров некоторые черты нормального коммунизма.

СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ. Основу коммунизма образует стандартная социальная организация населения. Все взрослые и трудоспособные граждане объединяются в стандартные деловые коллективы — клеточки общества. Через них граждане отдают свои силы и способности обществу, получая взамен соответствующее вознаграждение. По идее они не имеют иных источников существования и иных путей жизненного успеха. Поэтому коллектив здесь властвует над индивидом, что осу-

ществляется как власть лиц, представляющих коллектив в его целостности.

Все члены коллектива социально не различаются по отношению к средствам деятельности, как это имеет место в обществе феодальном или капиталистическом. Они различаются лишь в системе организации деятельности. Если одной фразой определить, что такое коммунизм с этой точки зрения, то это — общество, в котором все люди суть служащие государства.

Базисными социальными отношениями коммунизма являются не отношения собственности, а отношения коммунальные. Главные среди них — отношения между индивидом и коллективом, между начальниками и подчиненными, а также между лицами, соподчиненными одному и тому же начальству. Вследствие разделения людей на начальников и подчиненных, а также вследствие образования иерархии клеточек образуется иерархия социальных позиций людей, которая становится неустранимым источником социального неравенства. Это закон природы, а не злой умысел сталинистов, брежневистов, консерваторов и бюрократов.

Все то, о чем я сказал выше, существует и в странах Запада. Число людей, являющихся служащими государства и получающих постоянную гарантированную зарплату, огромно. Стремление занять такое положение в обществе является очень сильным. И отношения субординации (начальствования и подчинения) тут обычное дело. Так что западный плюрализм есть прежде всего сосуществование в одном социальном пространстве явлений коммунизма и капитализма. На Западе поносят коммунизм, поскольку его видят в России, но считают его нормой жизни, поскольку имеют его у себя.

Официально считается, что граждане коммунистического общества вознаграждаются соответственно их труду. Но принцип вознаграждения по труду имеет очень узкую сферу приложения. В силу разнообразия видов деятельности единственным универсальным критерием сравнения трудовых вкладов людей в общественное благосостояние становится сравнение людей по их социальным позициям и по их социальной ценности (значимости) вообще. Так что фактически действующим принци-

пом вознаграждения за труд здесь является принцип «Каждому — по его социальному положению». Даже самое педантичное следование этому принципу порождает неравенство в распределении жизненных благ. Неизбежным следствием рассматриваемого принципа является также система социальных привилегий, то есть тех преимуществ, которые человек в данной социальной позиции имеет сравнительно с нижестоящими.

УПРАВЛЕНИЕ. Клеточки объединяются в единое органическое целое благодаря образованию системы управляющих клеточек. Складывается грандиозная иерархия таких клеточек. Общеизвестны и обычны жалобы на непомерное разрастание управленческого аппарата и бюрократизм. Советский строй даже стали именовать бюрократическим социализмом (коммунизмом). Но управленческий аппарат разрастается здесь не по злему умыслу диктаторов, не по недосмотру властей и не в качестве отклонения от неких хороших норм, а вполне естественно, в силу закономерностей самой социальной организации коммунизма. Управленческая система и бюрократизм достигают огромных размеров и на Западе. Надежды на то, что отказ от коммунизма избавит людей от этого, являются абсолютно беспочвенными.

Имеются два аспекта во взаимоотношениях системы коммунистического управления и управляемого ею общества:

1) система управления приспособляется к управляемому обществу; 2) общество приспособляется к своей системе управления. В коммунистическом обществе доминирует второй аспект. Здесь интересы управляемости становятся в конечном счете главным фактором в жизни общественного организма. Они лимитируют все основные аспекты ее, становятся одним из внутренних ограничителей сил и возможностей коммунизма. И это опять-таки не зло и не уклонение от норм, а объективная закономерность.

ГОСУДАРСТВО. Система власти коммунистического общества (государство) вырастает как часть системы управления. Здесь государство объединяет различные отраслевые органы управления в единое целое, а также осуществляет управление территориальными единицами общества как единым целым. Ина-

че говоря, здесь государство вырастает из явлений коммунальности и само становится их развитием в масштабах целой страны. Коммунистическое общество без государства в такой же мере возможно, в какой возможен сложный и развитой биологический организм без центральной нервной системы.

В сферу внимания коммунистического государства в принципе входят все аспекты жизни страны, включая внешнюю политику, внешнюю торговлю, промышленность, сельское хозяйство, культуру, спорт, быт и отдых людей, воспитание детей и т.д. Здесь государство присвоило себе все те функции, какие в западных странах выполняют частные предприниматели и их конторы, банки и всякого рода негосударственные механизмы самоорганизации. И опять-таки это не есть всего лишь узурпация. Это закономерность, нарушение которой ведет социальный организм к гибели.

ПАРТИЯ. Стержень коммунистического государства в том виде, как оно сложилось в Советском Союзе, образует то, что называют словом «партия». Это слово вводит в заблуждение. Партия в коммунистической стране, стоящая у власти, не есть политическая партия в собственном смысле слова или по крайней мере в смысле политических партий Запада. Она распадается на множество независимых друг от друга партийных организаций в первичных коллективах и практически независимый от них партийный аппарат. Первые суть элемент социальной организации населения в самом базисе общества, второй же есть часть государственного механизма, причем стержневая в рассматриваемом здесь варианте. Работа людей в партийном аппарате есть их работа в системе государственной власти.

Так что включение в Конституцию при Брежневе статьи о руководящей роли КПСС отражало фактическое строение коммунистического государства. Нападки же на эту статью и ее отмена означают, хотят того или нет, либо демагогическую уловку, либо стремление разрушить коммунистическое государство.

Вся система власти и управления обществом находится под контролем партийного аппарата, является фактически продолжением и разветвлением этого аппарата. В обратном направлении она так или иначе сходится в партийном аппарате и от-

ражается в нем. Жаловаться на то, что партийный аппарат «вмешивается» во все аспекты деятельности системы управления, равносильно тому, как если бы мы стали жаловаться на непомерное вмешательство центральной нервной системы нашего тела в остальные части нервной системы.

Коммунистическое общество есть не однопартийное, а беспартийное. Настаивать всерьез на ликвидации некоей монополии коммунистической партии на власть и на многопартийности — значит, хотят того или нет, в такой извращенной форме настаивать на раздроблении системы государственности и социальной структуры на конфликтующие части. Если лишить КПСС той роли, какую она играет, и если при этом страна уцелеет, то все равно сложится какая-то стержневая часть власти, а в коллективах все равно образуется социально активная часть. Возродится то же самое под другими названиями. И вряд ли это будет лучше.

Возможно, что Советы по видимости и даже отчасти реально станут стержнем системы власти, а партийный аппарат отойдет на задний план. Но по сути, это будет лишь переименованием подразделений власти. Возможно такое соотношение Советов и партийного аппарата, при котором образуется единый стержневой аппарат, имеющий «парламентскую» оболочку и совсем непарламентскую коммунистическую суть.

ОТБОР И ВЫБОРЫ. Коммунистическая власть по самой своей сути является не выборной, а профессиональной. Выборы играют свою роль, но второстепенную, подсобную или фиктивную. Люди в систему власти отбираются соответствующими органами и лицами власти в соответствии с критериями, которые определяются объективными условиями функционирования власти. Отбираются из многих кандидатов, по многим признакам и довольно тщательно.

В случае так называемых свободных выборов гражданам все равно навязываются кандидаты, которых они, как правило, не знают лично и о которых получают весьма поверхностные сведения, ничего не говорящие об их деловых качествах. Кроме того, будучи избраны в систему власти, эти люди так или иначе вынуждаются к поведению согласно условиям и правилам ра-

боты власти. И всякие преимущества выборности (если они вообще были) скоро испаряются. Выборная власть на Западе имеет преимущества лишь постольку, поскольку она на самом деле есть власть второстепенная, показная или фиктивная. Основная власть там тоже остается профессиональной и невыборной. Стремление Запада навязать коммунистическим странам выборную власть своего типа имеет целью разрушение коммунистической государственности.

ИДЕОЛОГИЯ. На Западе самым ожесточенным нападкам наряду с КГБ подвергается советская идеология. При этом замалчивается тот факт, что западные люди подвергаются неизмеримо более мощному идеологическому оболваниванию, чем советские. Только на Западе эта работа не бросается в глаза, замаскирована и распылена. А сами оболваниваемые люди не замечают ее и оболваниваются с удовольствием.

Никакое общество не может долго существовать без идеологической обработки населения, а коммунистическое — особенно. Эта обработка не сводится к зубрежке надоевших всем и потерявших смысл марксистских текстов. Идеологический аспект жизни общества по объему и важности не уступает всем прочим. Задача гигантского идеологического механизма — управлять этим аспектом жизни людей. Из того, что этот механизм работает плохо, не следует, что он вообще не нужен. Кстати сказать, он не всегда работал плохо. В сталинские годы он работал превосходно.

До начала кризиса советская идеология служила своего рода инструкцией для высших властей. Когда советские вожди говорили, что они действовали в соответствии с учением марксизма-ленинизма, они не лицемерили. Марксизм-ленинизм на самом деле был для них руководством к действию. В нем на самом деле содержались идеи, которые позволяли давать оценку исторического процесса, подтверждавшуюся в основных чертах на практике.

Идеология ставила перед советским обществом эпохальную цель — построение коммунистического земного рая. То, что цель недостижима, играло роль второстепенную. Страна жила с сознанием великой исторической миссии, что оправдывало

все трудности и несчастья, обрушившиеся на ее население. Важнейшим элементом советской идеологии была идея внешнего эпохального врага. Таким эпохальным врагом с первых же лет существования советского общества стало капиталистическое «окружение», и в первую очередь капиталистические страны Запада. И опыт истории, казалось, полностью подтверждал эту идею.

Короче говоря, ошибочно судить о явлениях коммунизма, исходя из их кризисного (болезненного) состояния. В состоянии болезни и богатырь выглядит немощным карликом.

ЭКОНОМИКА. Слово «экономика» многосмысленно. Я здесь буду употреблять его как обозначение хозяйственного аспекта жизни общества. В этом смысле экономика существует во всяком обществе, но ни в одном она не характеризует его социальный строй специфически, то есть не является базисом. Марксизм, объявив экономику базисом общества, совершил подмену понятий, причем неоднократно, и внес невероятную путаницу в самые основы социологии.

Сейчас очевидны два подхода к организации экономики (хозяйства). Один из них основывается на соотношении затрат на какое-то дело, выражаемых в деньгах, и его результатов. Главным здесь является рентабельность предприятий, то есть определенный уровень прибыли. Второй подход основывается на соотношении деятельности отдельных предприятий и интересов некоторого целого, в конечном итоге — целого общества. Главным здесь является то, в какой мере отдельные предприятия или их объединения служат интересам целого. Я называю первый подход экономическим (или капиталистическим), а второй — социальным (или коммунистическим).

Соответственно надо различать два типа хозяйственной эффективности — экономическую и социальную. Они не совпадают. Коммунизм имеет более высокую степень социальной эффективности сравнительно с капитализмом, но более низкую степень экономической эффективности. Социальная эффективность хозяйства характеризуется многими факторами. Среди них способность существовать без безработицы и без ликвидации экономически нерентабельных предприятий, сравни-

тельно легкие условия труда, способность ограничивать и вообще не допускать избыточные предприятия и сферы производства, не являющиеся абсолютно необходимыми, способность сосредоточивать большие средства и силы на решении исторически важной задачи.

Общество не может выгадать во всех отношениях. Выгадывая в одном отношении, оно теряет что-то в другом. В принципе невозможно сохранить высокую степень социальной эффективности, поднимая хозяйство коммунистической страны на уровень передовых капиталистических стран. Неизбежным следствием этого будут безработица, повышение степени эксплуатации и другие явления, которые отчетливо можно видеть в странах Восточной Европы, переходящих на путь капиталистической экономики.

ДОСТОИНСТВА И НЕДОСТАТКИ КОММУНИЗМА. Достоинства и недостатки коммунизма имеют одни и те же источники. Их невозможно разделить. Нельзя избавиться от недостатков, не потеряв достоинств. К сожалению, достоинства коммунизма не замечаются, когда живешь с ними постоянно. Они становятся ощутимыми лишь после того, как на своей шкуре испытаешь все прелести капитализма. Для широких масс населения невозможно проделать эксперимент — дать им возможность пожить при настоящем, а не рекламном капитализме. Если такой эксперимент проделать в своей стране, то потом уйдут столетия новой жестокой борьбы за коммунизм, причем без гарантии, что борьба увенчается успехом.

Я не хочу здесь касаться карательных органов и мер. Их роль общеизвестна. Замечу лишь то, что никакое общество не может долго существовать, не борясь против тех, кто посягает на его социальный строй, систему власти и идеологию. Наивно думать, будто ничего подобного нет на Западе. А коммунистическая страна без этого обречена на скорую гибель. Поэтому карательные меры против антикоммунистических явлений точно так же суть норма коммунизма.

КРИЗИС. Кризисы суть закономерные явления в жизни всякого социального организма. Коммунистическое общество не является на этот счет исключением. Однако в советской идео-

логии до последнего времени считалось, что коммунистическое общество является бескризисным. Кризис произошел фактически неожиданно для советского руководства, специалистов и широких слоев населения. Его осознали как кризис лишь после того, как он начал свирепствовать во всю мощь, да и то в извращенной форме. И Горбачев, придя к высшей власти в 1985 году, начал свою реформаторскую деятельность, будучи уверен в том, что советское общество покорно подчинится его воле и призывам.

Кризис есть отклонение от норм существования общественного организма. Но не всякое отклонение от норм есть кризис. Уклонение от норм может быть следствием природной катастрофы, эпидемии, нападения внешнего врага. В 1941—1942 годах Советский Союз был близок к гибели. Но это не было кризисом коммунизма как социального строя. Наоборот, именно в эти тяжелые годы коммунизм обнаружил свою жизнеспособность. Кризис является таким отклонением от норм, которое возникает в результате действия внутренних закономерностей социального организма, причем в условиях нормальной и даже успешной жизнедеятельности этого организма.

Ставя вопрос о причинах кризиса, надо различать по крайней мере такие факторы, играющие различную роль в его возникновении: 1) механизм потенциального кризиса, 2) условия, в которых возможность кризиса превращается в реальность, 3) толчок к кризису.

МЕХАНИЗМ КРИЗИСА. К. Маркс блестяще показал, что механизм кризиса образуют те же самые факторы, которые обеспечивают нормальную жизнедеятельность общества. Они органически присущи данному типу общественного устройства и остаются с ним навсегда. Поразительным в сложившейся ситуации является то, что бесчисленные советские специалисты, которые, как говорится, собаку съели на марксизме, и советские руководители, которые сдавали марксизм в университетах и партийных школах на отлично, вдруг позабыли азбучные истины марксизма и стали искать причины кризиса не в самих реальных закономерностях коммунистического строя, а в во-

ображаемых ошибках брежневского и даже сталинского руководства.

Именно следование нормам коммунизма с необходимостью порождает отклонения от этих норм. Отдельные ручейки таких отклонений постепенно сливаются в реки, а последние — в мощный поток, неумолимо влекущий общество к всестороннему и глубокому кризису.

УСЛОВИЯ КРИЗИСА. Но чтобы механизм кризиса сработал во всю силу, необходимы подходящие условия. Условия кризиса суть нечто внешнее по отношению к закономерностям общественного устройства. Это суть исторически сложившиеся конкретные обстоятельства. Они исчезают со временем, сменяются другими. Кризис как таковой не связан с ними необходимым образом. Кризис мог произойти и в иных условиях. В аналогичных условиях кризиса могло и не быть.

Среди условий рассматриваемого кризиса следует назвать, например, тот факт, что человечество пропустило очередную мировую войну. Вследствие непомерно затянувшегося мирного времени внутренние закономерности коммунистического социального строя получили тот минимум времени, который был необходим для превращения возможности кризиса в действительность.

Затянувшийся мирный период включил в себя «холодную войну», которая по своей силе и ожесточенности может быть поставлена в один ряд с войнами «горячими». Первая половина ее прошла явно с преимуществами для коммунистического мира. Но постепенно стали сказываться преимущества Запада, и прежде всего в экономике, науке и технике. Советский Союз истощил свои силы в расточительной международной активности, в безудержной гонке вооружений и в безнадежном соревновании с Западом в сфере экономики и технологии. Баланс сил качнулся в пользу стран Запада. К началу 80-х годов можно было констатировать как факт, что «холодная война» закончилась в основном в пользу Запада.

В совокупности условий кризиса свою роль сыграла и политическая стратегия советского руководства, приносившая в свое время успех. В ее осуществлении были, естественно, и ошиб-

ки. Но это — дело второстепенное. В сложном историческом процессе невозможно предвидеть все последствия принятых решений. Брежневское руководство несет ответственность за кризис не больше, чем горбачевское.

В послевоенные, в хрущевские и в еще большей мере в брежневские годы в стране произошел колоссальный прогресс сравнительно со сталинскими годами. Было построено огромное число новых предприятий. Необычайно усложнились хозяйство, культура и быт населения. Вырос образовательный уровень населения. Улучшились бытовые условия. Были достигнуты успехи в науке и технике. Достаточно здесь назвать успехи в космосе и в военной промышленности. Возросло число ученых и деятелей культуры вообще. Был ликвидирован «железный занавес», необычайно расширились контакты с Западом. Короче говоря, как это принято теперь считать, одной из важнейших причин кризиса явился как раз не застой, а чрезмерный для коммунизма прогресс. Тот факт, что одновременно в стране происходило наращивание экономических и бытовых трудностей, а также усиление морального и идейного разложения общества, несколько не противоречит сказанному выше. Это свидетельствует лишь о сложности (о диалектичности!!!) исторического процесса.

ТОЛЧОК К КРИЗИСУ. Надо различать политику руководства страной и то состояние, которое является следствием этой политики. Политика перестройки есть осуществление замыслов руководства, а перестройка образа жизни есть реакция страны на эту политику, совсем неадекватная ей. В брежневские годы накопились предпосылки для кризиса — созрел потенциальный кризис. Но актуальным он стал лишь с началом политики перестройки. Именно политика горбачевского руководства дала толчок к превращению возможности кризиса в действительность. Власть начала проводить определенную политику, будучи уверенной в том, что общество будет продолжать жить под ее контролем и следовать ее предначертаниям. Но общество, созревшее для кризиса, реагировало на политику власти неожиданным и нежелаемым для нее образом.

ПЕРЕСТРОЙКА. Послужив толчком к развязыванию кризиса, политика перестройки существенным образом повлияла на его форму, ход и силу. Она стала главным источником кризиса, оттеснив на задний план все прочие причины и условия. Перестройка как реакция страны на политику руководства и стала реальностью кризиса как такового. Именно маниакальные планы реформаторов придали кризису масштабы эпохальной катастрофы.

Напомню читателю мое обещание, данное в начале статьи, сказать о причине моей неприязни к планам переустройства нашей страны. В предкризисной и кризисной ситуации любой план преобразования, как бы он прекрасно ни выглядел на словах, может лишь способствовать развязыванию и усилению кризиса. В сложившейся в нашей стране ситуации планы ее переустройства были не только не нужны, они были вообще противопоказаны. В том виде, в каком советское общество сложилось до перестройки, оно ни в каком обновлении не нуждалось. Оно нуждалось в усовершенствовании, но теми методами и средствами, какими оно располагало в силу своей природы. Оно не нуждалось ни в какой революции сверху. И тем более оно не нуждалось ни в возвращении к дореволюционному состоянию, ни в переходе к капитализму. Нужны были не маниакальные планы, а повседневная и терпеливая работа, не вызывающая сенсаций на Западе.

СУЩНОСТЬ КРИЗИСА. Начавшись с самых верхних «этажей» общества — с идеологии и морального состояния, кризис углубился до самых его основ, охватив социальную организацию страны и систему власти и управления.

Был нарушен фундаментальный принцип владения. Поощрение форм владения, приближающихся к форме частной собственности, в огромной степени способствовало разрушению коллективистских оснований коммунизма. Нарушилась стабильность социальной структуры населения и механизма ее воспроизводства. Произошла та самая дестабилизация общества, о которой так долго мечтали на Западе. Усилилась сверх меры ненадежность социального положения людей, ослабли гарантии удовлетворения минимальных потребностей. Ослабла за-

интересованность массы людей в делах и интимной жизни их деловых коллективов. Произошло ослабление и порою даже разрушение прикрепленности граждан к деловым коллективам, а также ослабление власти коллектива над индивидом. Произошло вопиющее нарушение принципов вознаграждения за труд и распределения жизненных благ.

Система власти и управления утратила прежний контроль над обществом и сама разрегулировалась. Это произошло не потому, что система управления или управляемое общество (или оба) стали хуже. Суть дела в том, что нарушилось сверх меры соответствие между управляющей системой общества и управляемым телом общества, нарушились принципы и нормы управления и управляемости. Я выше уже говорил о том, что в брежневские «застойные» годы советское общество настолько усложнилось структурно и функционально, что управлять им так же успешно, как это было ранее, и теми же методами стало невозможно.

Кризис власти (государства) проявился прежде всего в том, что стало невозможно сохранять ее как единое и слаженное целое. Теперь она раскололась на всеобщее обозрение, и внутренние конфликты стали предметом всеобщего достояния. Группировки проявили непримиримую вражду по отношению друг к другу. Высшая власть утратила прежний контроль над нижестоящими подразделениями. Стержневая часть утратила прежний контроль над прочими разветвлениями власти. Органы порядка перестали выполнять свои функции на должном уровне. Милиция оказалась неспособной бороться с ростом преступности. Органы государственной безопасности оказались бессильными бороться против нарастающих антигосударственных и антикоммунистических умонастроений и действий.

Власть сама усилила этот аспект кризиса, реабилитировав прежних диссидентов и присвоив себе разоблачительские функции диссидентов. Заигрывания с Западом породили серию либеральных жестов, поощрив тем самым бунтарские, антигосударственные, антипартийные и антикоммунистические силы в стране. В том же направлении действовали разоблачения сталинизма и брежневизма. Расчеты власти на завоевание популярно-

сти не оправдались. Наоборот, она потеряла авторитет в глазах населения. Разоблачения сталинистов и брежневистов фактически наносили удар по власти вообще. Начались такие массовые нападки на власть, каких не было за всю советскую историю. Они приняли откровенно антикоммунистический характер.

Кризис охватил все сферы жизни общества, включая идеологию, экономику, культуру, интеллектуальное и психологическое состояние населения. Произошла дезорганизация всего общественного организма.

КРИЗИС ПАРТИИ. В самой сильной степени кризис власти затронул ее стержневую часть — партийный аппарат. Он утратил былой контроль за системой власти и оказался изолированным от управляемого общества. На него взвалили главную ответственность за то, в каком положении оказалась страна. Все нападки на представителей власти, обвинения их в коррупции, бюрократизме и консерватизме относились прежде всего к работникам партийного аппарата. Антипартийные и фракционные выступления членов партии и даже представителей органов власти стали обычным делом. За них никто не наказывался ощутимым образом. Многие стали демонстративно выходить из партии. Антикоммунистические выступления и неподчинение властям перестали даже удивлять. На выборах в Советы кандидаты партийных органов стали терпеть сокрушительное поражение. Допущение формы выборности в отношении невыборной, по существу, власти поставило всю профессиональную власть на грань катастрофы.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС. Уже в хрущевские и брежневские годы стало осознаваться резкое расхождение между идеологической картиной реальности и самой реальностью, между идеалами коммунизма и объективными тенденциями эволюции реального коммунизма, между интеллектуальным уровнем образованной части общества и идеологией. Идеология фактически перестала быть руководством к действию для властей. Она все более становилась предметом насмешек. Миллионы людей изучали ее, но сугубо формально.

Политика гласности углубила и расширила идеологический кризис. Начались безудержное и бесконтрольное словоблудие,

мазохистское саморазоблачение, оплевывание всех святых советской истории, очернение советской реальности. Все истины марксизма-ленинизма были подвергнуты осмеянию. Всякая защита даже бесспорных истин его рассматривалась как признак реакционности и отсталости. Короче говоря, с марксизмом-ленинизмом обошлись чуть ли не как с враждебным идеологическим учением. Одновременно началось столь же безудержное заимствование идей из западной идеологии.

Неверие в марксистские идеалы и отказ от марксизма-ленинизма как от руководства к действию захватил самые верхи правящего слоя. Дискредитация идеологии стала стимулироваться сверху. И это несмотря на то, что многие положения марксизма-ленинизма могли бы как никогда послужить путеводной звездой в современной запутанной ситуации в мире. Коммунисты предали марксизм-ленинизм именно тогда, когда на нем стоило настаивать особенно упорно.

Была потеряна эпохальная цель общества — его ориентация на «полный коммунизм». Доминирующим стало состояние беспросветности. Идейные интересы заглохли или оттеснились куда-то на задворки человеческих душ. Разрушилось также сознание исторической миссии советского народа и сознание внешнего эпохального врага. Советские люди стали видеть коммунистический идеал на Западе. Все то, что советская идеология и пропаганда с полным основанием утверждали о реальном капитализме и о Западе, стало восприниматься как идеологическая ложь, а идеологическая ложь и дезинформация, идущая с Запада, — как святая правда.

КРИЗИС ЭКОНОМИКИ. Социальный кризис особенно остро проявился в сфере экономики. Подчеркиваю, это не экономический кризис, а именно проявление социального кризиса в экономике. В основе его лежат сами принципы организации общества: системность, плановость, единое и централизованное управление, социальная организация людей. Внешними проявлениями кризиса является усиление обычных экономических трудностей сверх всякой меры. Но сущность его заключается в отступлении от коммунистических методов в экономике и в стремлении преодолеть экономические трудности капиталист-

тическими методами. Нет надобности перечислять эти отступления, они общеизвестны.

СМУТА. Образовалось огромное число людей, вообще не прикрепленных ни к каким коллективам, но способных при этом как-то существовать, порою лучше, чем если бы они работали в коллективах. Образовалось еще большее число людей, прикрепленных к коллективам, но практически не подчиняющихся воле коллектива. Возник особый слой, который стал ядром, опорой и ударной силой всякого рода оппозиционных умонастроений, восстаний, демонстраций, митингов. Он стал угрозой существованию коммунизма вообще. Он легко поддастся манипулированию со стороны всякого рода демагогов, наживающих себе известность и репутацию на критике всего и вся. Он заражен антикоммунистическими идеями. Его лозунги и идеалы лишь по видимости позитивны. На самом деле они разрушительны для социального строя страны и негативны по своим последствиям для масс населения.

Такие массы вышли на улицы и заявили о себе. Это произошло отчасти стихийно, отчасти вследствие провокаций реформаторов, отчасти благодаря действиям активных оппозиционеров. Массы пошли дальше того, на что рассчитывали реформаторы. Массы пришли в движение с лозунгами фактически антикоммунистическими. И они вынудили реформаторов на реформаторскую демагогию, соответствующую ее умонастроениям.

Особенность нынешней ситуации состоит в том, что взбунтовавшиеся массы населения оказались в своего рода исторической ловушке. В обществе сложилась ситуация, которую можно было бы назвать революционной, если бы в реальности назрели предпосылки для настоящего революционного переворота. Но таких предпосылок не было. И массы устремились не вперед, не в будущее, а назад, в прошлое. Псевдореволюционная ситуация могла породить только одно: попытку контрреволюции по отношению к революции, в результате которой возникло коммунистическое общество. С точки зрения эволюции коммунизма массы выступили как сила глубоко реакционная. Естественно, и вожди масс, отражающие их умона-

строения, выступили с лозунгами, которые нисколько не считались с внутренними закономерностями и возможностями страны. Все идеалы ими были заимствованы на Западе и даже в дореволюционном прошлом России. Общий кризис в стране породил и кризисную оппозицию, то есть оппозицию разрушительную и иррациональную.

ВЫХОД ИЗ КРИЗИСА. Кризис не может длиться вечно. Он рано или поздно и так или иначе окончится. Те, кто считает нынешнее состояние коммунистического мира началом посткоммунистической эры, уверены в том, что это будет полный исторический крах коммунизма и исчезновение его с лица земли. Более умеренные мыслители видят выход из нынешней ситуации в эволюции коммунизма в направлении западной демократии и рыночной экономики, то есть в направлении капитализма и в образовании некоего гибрида коммунизма и капитализма. Но мыслима еще и третья возможность, а именно восстановление нормального состояния коммунизма.

ОТКАЗ ОТ КОММУНИЗМА. Разрушение коммунистического социального строя и переход к социальному строю иного типа в отдельных странах возможен, как показал опыт стран Восточной Европы. И как показал тот же опыт, этот отказ возможен не в силу внутреннего развития, а в силу вмешательства извне, а именно со стороны западных стран. В отношении Восточной Германии произошла самая циничная аннексия ее Западной Германией. А какие усилия вложил Запад в разрушение коммунизма в других странах?!

Отказ от коммунизма, далее, на практике означает то, что этим странам навязывается капитализм. Именно навязывается, так как в этих странах до «революции» (до мятежей) никакой капитализм не созрел и никакой потребности в буржуазной революции не было. Идеи капитализма были привнесены извне, причем не явно, а под маркой «демократии», «парламентаризма», «многопартийности», «рыночной экономики», а также в форме экономической помощи.

Словечко «помощь» здесь прикрывает еще один аспект процесса, а именно включение этих стран в сферу экономики Запада. Эти страны нужны Западу не в виде процветающих неза-

висимых стран, способных конкурировать с передовыми капиталистическими странами на мировом рынке, а лишь в виде сфер приложения капиталов, рынков сбыта товаров и поставщиков дешевой рабочей силы, то есть в виде колоний нового образца со всеми вытекающими отсюда следствиями.

ГИБРИД КАПИТАЛИЗМА И КОММУНИЗМА. О второй возможности много говорили и продолжают говорить в такой фразеологии, как «третий путь», «коммунизм с человеческим лицом», «гуманный социализм», «демократический социализм». О таком «гуманном, демократическом социализме» говорят и в России, боясь употреблять скомпрометированное слово «коммунизм».

Сейчас Советскому Союзу пытаются навязать «третий путь» по линии экономики путем внедрения рыночной экономики, а по линии системы власти — путем ликвидации некоей монополии КПСС на власть, допущения многопартийной системы и перемещения стержневой власти в Советы, во всяком случае, путем лишения партийного аппарата прежнего статуса. Трудно сказать, чего здесь больше — игры, рассчитанной на впечатление на Западе с целью получения «помощи», или реальной попытки поправить таким путем дела в стране. Но при всех вариантах не мешало бы принять во внимание реальность рыночной экономики и демократии Запада.

ДЕМОКРАТИЯ. Парламентаризм и многопартийность суть политические формы капитализма, а не нечто пригодное для всех времен и народов. В коммунистическом обществе возможна лишь имитация этих форм, маскирующая нечто иное или играющая совсем иную роль, чем на Западе. Парламентаризм имеет смысл лишь при том условии, что в обществе имеется независимый от этой части власти механизм самоорганизации, то есть постоянно действующая невыборная система управления и самоуправления, какой нет в обществе коммунистическом. Парламентаризм есть лишь частичка механизма управления, причем не главная. В коммунистическом обществе он излишен, поскольку все его функции выполняет государственная непарламентарная власть. Более того, он станет помехой в системе управления, внося в нее чуждый коммунизму элемент

раздробления единой власти. Склок и конфликтов в системе власти и управления хватает и без него.

Политические партии суть явление специфически капиталистическое. В коммунистическом обществе для них вообще нет условий хотя бы в силу положения и интересов его социальных слоев. Пройдет немного времени, и многопартийность окажется лишь внешней раздробленностью былой «однопартийности», а точнее, беспартийности. Партии, отличные от КПСС, превратятся в марионеток последней или будут ликвидированы, если не отомрут сами собой в силу бессмысленности и ненужности, а также в силу превращения их в организации мафиозного типа. Не исключено, что их будут сохранять искусственно, подобно тому как искусственно сохраняется бессмысленный аппарат профсоюзов и еще более бессмысленные профсоюзные организации.

РЫНОЧНАЯ ЭКОНОМИКА. Выражение «рыночная экономика» («свободный рынок») в нынешнем словоупотреблении двусмысленно. В одном смысле при этом имеется в виду капиталистическая экономика с независимыми частными предпринимателями, конкурирующими на свободном рынке, определяющем цены на их товары. Такой рынок имел место на Западе в прошлом. Он сохранился и сейчас, но роль его уже не та. Во втором смысле под рыночной экономикой имеют в виду современное капиталистическое общество с социально регулируемой и организованной экономикой. Это новый этап в развитии капитализма. Он предполагает в качестве основы и условия предшествующую стадию капитализма, которую Ленин называл империализмом и ошибочно считал последней стадией капитализма. Чтобы в Советском Союзе ввести рыночную экономику в этом смысле, нужно до основания разрушить коммунизм, осуществить стопроцентную приватизацию хозяйства, допустить процесс формирования капитализма до состояния, предшествовавшего современной экономике Запады, и лишь на этой основе постепенно втягиваться в современную мировую экономическую систему. На это нужно не пятьсот дней, а по крайней мере пятьдесят лет при самых благоприятных обстоя-

тельстввах. И при том условии, конечно, что советские люди покорно пойдут на этот шаг.

В советских условиях возможна не рыночная экономика в современном смысле слова, а лишь ее имитация. Но имитация далеко не безобидная для страны. Имитаторы рыночной экономики уверяют, что без введения ее советская экономика развалится совсем. Это ложь. Советская экономика переживает кризис. Но кризис еще не есть развал. Советская экономика может развалиться полностью лишь вследствие насильственного навязывания стране имитации рыночной экономики. И неизбежным следствием этого будет развал социальный.

Не мешало бы принять во внимание еще одно немаловажное обстоятельство. Западные газеты пестрят сообщениями, которые невольно наводят на мысль об угрозе экономического спада и даже кризиса на Западе, причем спада и кризиса, являющихся следствием именно рыночной экономики. В Советском Союзе о явлениях такого рода умалчивают, дабы не дискредитировать маниакальный замысел перевода страны на путь капитализма. Но не исключено, что, пока Советский Союз догоняет Запад, там положение радикально изменится и советские экономисты и политики вспомнят об обруганных достоинствах экономики коммунистической.

КОНТРПЕРЕСТРОЙКА. Третья возможность выхода из кризиса — восстановление нормального состояния коммунизма, то есть контрперестройка. Эта возможность опирается на объективные условия жизни подавляющего большинства советского населения. Она опирается прежде всего на такие постоянно действующие факторы коммунистического образа жизни, которых перестройка не коснулась совсем или коснулась в ничтожной мере. Эти факторы суть условия повседневной жизнедеятельности людей, условия их работы, быта, обучения, делания карьеры, отдыха. Для подавляющего большинства населения мало что изменилось с этой точки зрения, а если изменилось, то к худшему. От перестройки выгадала ничтожная часть населения. Массы населения заинтересованы прежде всего в восстановлении их обычного стандарта жизни, а не в том, чтобы

помогать тщеславным вождям осуществлять их маниакальные замыслы.

Коммунизм имеет не только недостатки, но и достоинства. В период кризиса они отошли на задний план. На первый план вышли недостатки. А эпидемия саморазоблачения и очернения всей прошлой советской истории вообще придала мрачные очертания всему коммунистическому образу жизни. Перестройка поставила под угрозу все лучшие завоевания коммунизма, которые стали привычными для масс населения. Именно угроза потери их вынуждает людей осознавать эти привычные формы жизни как достоинства коммунизма и думать об их сохранении.

Важнейший источник контрперестройки — восстановление норм социальной организации, нарушенных кризисом. В результате этого будет сокращено число людей, вышедших из-под контроля коллективов, усилен контроль коллективов за своими членами, усилены меры наказания тех, кто не считается с требованиями своего окружения. Это немедленно сократит число участников митингов, демонстраций, неформальных организаций и движений. А как только начнется улучшение бытовых условий (а это неизбежно, причем не благодаря политике перестройки, а вопреки ей), массы пассивного до сих пор населения сами прикончат смуту, оказав всемерную поддержку властям и карательным органам в восстановлении общественного порядка. Кризис всемерно усилил преступность в стране и расшатал стабильность жизненных линий для основной массы населения — для «молчаливого и пассивного большинства». Восстановление же общественного порядка и стабильности быта может быть достигнуто только вследствие суровых и решительных мер государства.

Сейчас многими людьми овладели иллюзии, будто в считанные дни можно перестроить общество в соответствии с их желаниями. Но пройдет еще немного времени, и они почувствуют, что в основах жизни лежит нечто такое, что не поддается никаким переменам и возвращает людей к тому, против чего затевались реформы и бунты. Естественно, в сознание масс будет закрадываться сомнение: а не сыграли ли они роль мари-

онеток в чьей-то чужой для них игре? Наступит прозрение. И люди с удивлением начнут смотреть на то, как они могли попасться на удочку нелепых, бессмысленных и бесперспективных лозунгов и программ.

Возможны два варианта контрперестройки. Первый — ее осуществят сами реформаторы во главе с Горбачевым. При этом они изобразят ее как победу политики перестройки, признав кое-какие ошибки и перегибы. Второй вариант может произойти как верхушечный переворот. В этом случае политика перестройки может быть признана ошибочной и даже преступной. Но при всех обстоятельствах контрперестройка неизбежна как единственный реальный путь выхода из кризиса и выживания страны. Кризис является коммунистическим. И преодолен он может быть лишь методами, органически присущими обществу коммунистическому.

ПОВОРОТНЫЙ ПУНКТ. Я не призываю к контрперестройке. Я ее лишь предсказываю. Я думаю, что поворотным пунктом к открытой контрперестройке послужат практические меры по переводу страны на путь рыночной экономики, то есть на путь капитализма. Эти меры породят такие последствия, которые вызовут протесты широких слоев населения. Чем радикальнее будут эти меры, тем сильнее будет протест. И тем скорее и решительнее начнется контрперестройка. Если же горбачевское руководство образумится и само будет саботировать переход к рыночной экономике, это будет воспринято как сигнал к контрперестройке сверху. Так что любой ход событий будет означать конец смуты и начало выхода из кризиса на пути коммунизма.